

Научная статья

УДК 929 Николай(470)*П + 930.2 + 929.52 + 343.611.1 + 79:004.353 + 070.16

doi 10.15826/tetm.2022.3.026

Влияние историографии и общественного дискурса об убийстве семьи Николая II на содержание видеоигр с историческим сюжетом

Сергей Игоревич Белов

Московский государственный университет, Москва, Россия

Belov2006s@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1464-040X>

Аннотация. Исследование посвящено теме влияния историографии убийства семьи Николая II и порожденного ею дискурса на образы в исторических видеоиграх. В качестве конкретного исследовательского кейса нами выбрана игра *Assassin's Creed Chronicles: Russia*. Методология работы построена на комбинации сравнительного и структурного анализа. Эмпирическая база исследования фундирована за счет привлечения оригинального игрового контента и редкой литературы, в том числе работ представителей белой эмиграции. Автор приходит к заключению, что создатели игры использовали в качестве первоосновы сюжета произведения ряд историографических концепций, предполагающих причастность к цареубийству тайных обществ глобального характера. Однако они отказались обращаться к таким элементам «конспирологических» направлений в историографии, как ритуальный характер преступления, заинтересованность внешних акторов в уничтожении Российской империи, а также связанных с нею моделей социально-экономического и культурного развития. Последнее объяснялось в первую очередь маркетинговыми соображениями, структурой целевой аудитории и стремлением избежать обвинений в разжигании антисемитизма.

Ключевые слова: Николай II, царская семья, убийство, конспирология, видеоигры, «*Assassin's Creed Chronicles: Russia*»

Для цитирования: Белов С. И. Влияние историографии и общественного дискурса об убийстве семьи Николая II на содержание видеоигр с историческим сюжетом // *Tempus et Memoria*. 2022. Т. 3, № 1. С. 6–15. doi 10.15826/tetm.2022.3.026

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова в рамках научного проекта «Видеоигры как новый ресурс политики памяти: конструирование коллективного образа прошлого в формате популярной культуры». Исследование проведено в рамках Программы развития Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

© Белов С. И., 2022

Original article

The Influence of Historiography and Public Discourse on the Murder of the Family of Nicholas II on the Content of Historical Video Games

Sergey I. Belov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Belov2006s@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1464-040X>

Abstract. This study is devoted to the influence of the historiography of the murder of the family of Nicholas II and the discourse generated by it on images in historical video games. We have chosen Assassin's Creed Chronicles: Russia as a specific research case. The methodology of the work is built through a combination of comparative and structural analysis. The empirical base of the study is funded by attracting original game content and rare literature, including the works of representatives of the white emigration. The author comes to the conclusion that the creators of the game used a number of historiographic concepts as the primary basis for the plot of the work, suggesting the involvement of secret societies of a global nature in the regicide. However, they refused to address such elements of "conspiracy" trends in historiography, such as the ritual nature of the crime, the interest of external actors in the destruction of the Russian Empire, as well as the models of socio-economic and cultural development associated with it. The latter was primarily due to marketing considerations, the structure of the target audience and the desire to avoid accusations of inciting anti-Semitism.

Key words: Nicholas II, royal family, murder, conspiracy theories, video games, "Assassin's Creed Chronicles: Russia"

For citation: Belov, S. I. (2022). Vliyanie istoriografii i obshchestvennogo diskursa ob ubiistve sem'i Nikolaya II na sodержanie videoigr s istoricheskim syuzhetom [The Influence of Historiography and Public Discourse on the Murder of the Family of Nicholas II on the Content of Historical Video Games]. *Tempus et Memoria*, 3, 1. 6–15. doi 10.15826/tetm.2022.3.026

Acknowledgments: The study was financially supported by the Faculty of Political Science of Lomonosov Moscow State University as part of the research project "Video games as a new resource for the politics of memory: constructing a collective image of the past in the format of popular culture"; This research has been supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University "Preservation of the World Cultural and Historical Heritage".

Введение. Традиционно историография изучается преимущественно в ключе анализа системы научного знания. Ее влияние на представления о коллективном прошлом исследуется по остаточному принципу. И в первую очередь это касается воздействия историографических концепций на развитие новых форматов массовой культуры.

Последние не просто способствуют популяризации исторического знания, но и задают границы мемориальных рамок, в пределах которых макросоциальные субъекты коллективно закрепляют в общественной памяти, предают забвению либо подвергают ценностно-смысловой маркировке определенные исторические сюжеты.

В дальнейшем сформированные мемориальные режимы влияют уже на восприятие профессиональных историков, часть которых, вопреки принципу объективности, интерпретирует источниковый материал сквозь призму усвоенной ранее системы ценностей и взглядов на определенные «фигуры памяти», наделенные обществом символическим значением.

Последнее закономерно порождает у сообщества профессиональных историков запрос на изучение закономерностей воздействия историографических концепций на отображение событий прошлого в массовой культуре и в первую очередь в рамках ее новых и наиболее перспективных форматов. Наиболее значимым является вопрос об их влиянии

на сферу культурной памяти в контексте сюжетов, используемых в качестве точки консенсуса либо фактора раскола в рамках мемориального позиционирования.

В рамках представленного исследования изучению подвергнут конкретный кейс — влияние историографических концепций на отображение убийства семьи Николая II в одной из наиболее популярных игровых франшиз — *Assassin's Creed*.

Материалы и методы. Источниковая база исследования сформирована за счет обращения к контенту игры *Assassin's Creed Chronicles: Russia*. В рамках подготовки работы также использовались дореволюционная литература, посвященная национальной политике властей Российской империи, и эмигрантские издания, опубликованные в период 1920–1930-х гг.

Методология работы выстраивается в порядке сочетания элементов сравнительного и структурного анализа. Применение сравнительного анализа позволило сопоставить историческую мифологию игры и связанные с ней тематически историографические концепции в рамках развития последних. Структурный анализ дал возможность выделить системно значимые элементы как образа прошлого, сформированного геймдизайнерами, так и историографических концепций, связанных с ритуально-конспирологическими трактовками обстоятельств убийства царской семьи.

Обсуждение. Представленное исследование было выполнено единолично сотрудником Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова — С. И. Беловым.

Приступая к обзору историографии темы, необходимо отметить, что в его рамках не были освещены исследования, авторы которых так или иначе не упоминают версии убийства царской семьи в результате заговора тайных организаций либо ритуального характера преступления. Последнее обусловлено спецификой сюжета рассматриваемой игры.

Длительное время тема убийства Николая II и членов его семьи освещалась преимущественно в работах авторов-эмигрантов, большая часть которых заявляли о наличии в преступлении ритуальных элементов и возлагали ответственность за его организацию на тайные структуры, предположительно связанные с ортодоксальными иудаистами

[Дитерихс; Скарятин; Соколов; Якобий; Wilton; Пагануцци].

В советской историографии тема почти не разрабатывалась из идеологических соображений, а концепции авторов-мигрантов не изучались даже в ключе разоблачения антисемитских стереотипов. Выходившие в свет исследования, напрямую или косвенно затрагивавшие соответствующую проблематику, выстраивались вокруг тезиса об исключительно политической мотивации преступления [Иоффе; Касвинов].

В современный период вышло большое количество работ, посвященных интересующему нас вопросу. Тема убийства царской семьи рассматривалась и как самостоятельный предмет изучения [Анохина; Багдасарян, Реснянский; Борисенко; Жук; Латышев; Платонов 1991], и в контексте истории «красного террора» [Будницкий; Булдаков; Варфоломеев], и в рамках общего контекста политической биографии последнего императора [Боханов].

В то же время необходимо отметить, что для современного этапа в изучении темы характерен высокий уровень влияния профессиональных исследователей, интерпретирующих соответствующие события сквозь призму личных религиозных и политических предпочтений, что негативно отображается на общем уровне объективности опубликованных работ [Зымонт; Кураев; Мультатули 2016; Платонов 2015; Фомин; Корн 2012].

Результаты. Кriptoисторическая версия событий, связанных с убийством царской семьи, подается в рамках игры *Assassin's Creed Chronicles: Russia* (2016 год) в мистическом контексте. Историческая мифология данной игровой вселенной предполагает, что весь ход мировой истории определен противостоянием двух тайных обществ, условно обозначенных как Ассасины и Тамплиеры. Последние соперничают между собой в рамках борьбы за артефакты Предтеч – высокоразвитой цивилизации, населявшей землю до появления человека разумного.

Согласно нарративу игровой вселенной капитализм представляет собой результат операций в области социального инжиниринга, предпринятых Тамплиерами. Крупные социально-политические революции, начиная

с событий во Франции в 1789 г., инициированы именно этой тайной организацией.

В то же время отмечается, что отдельные революционные организации были сформированы противниками Тамплиеров — Ассасинами. В числе политических проектов данного общества упоминается в том числе «Народная воля». Главный герой игры (персонаж по имени Николай Орлов) является бывшим народовольцем, другом А. И. Ульянова и его младшего брата В. И. Ленина.

Впрочем, революционные структуры, подконтрольные Ассасинам, позиционируются в более гуманистическом ключе. В частности, главный герой осуждает убийство членов семьи Николая II и подчеркивает, что народovolьцы якобы выступали против убийства детей—представителей правящей династии (рис. 1).

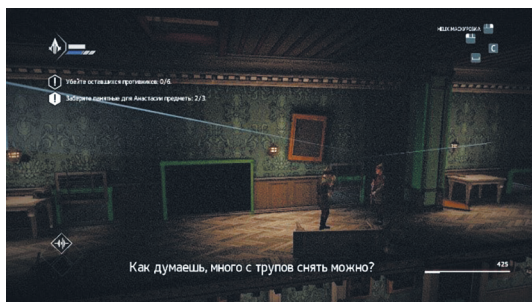

Рис. 1. Диалог красноармейцев о судьбе тел царской фамилии на месте убийства

Мотивы действий представителей обеих ведущих фракций игры связаны преимущественно со стремлением обрести контроль над предметами, оставшимися от цивилизации Предтеч. Так, Г. Распутин, согласно исторической мифологии игры, представлял собой агента Тамплиеров, пытался завладеть артефактом «Посох Эдема», использованным для создания скипетра российских императоров (рис. 2).

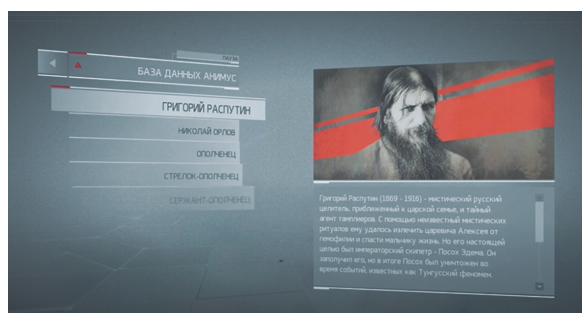

Рис. 2. Игровая биография Г. Распутина

Убийство царской семьи и последующее преследование якобы выжившей великой княжны Анастасии мотивируется в первую очередь стремлением тайных обществ завладеть некой шкатулкой, принадлежавшей родным последнего императора. Впрочем, интересы заговорщиков периодически пересекаются с планами публичных политических сил. В частности, Л. Д. Троцкий подчеркивает, что члены семьи Николая II представляют собой опасность как символ, потенциально способный выступить в качестве основы для консолидации контрреволюционных сил.

Большевики в рамках сюжета игры в значительной степени контролируются Тамплиерами через представителей агентуры тайного общества. Однако РСДРП(б) не является их прямой креатурой и представляет собой самостоятельную политическую силу. Л. Д. Троцкий (друг Николая Орлова) осведомлен о существовании тайных обществ и пытается использовать вражду Ассасинов и Тамплиеров «в интересах революции».

От конспирологических теорий, распространенных в историографии, историческую мифологию игры отличает в первую очередь наднациональный и внеконфессиональный характер тайных организаций. Также легенда игры не предусматривает наличие у организаторов и исполнителей убийства царской семьи целей, связанных с изменением геополитического положения или вектора социально-экономического и культурного развития России либо всего человечества.

Равным образом для них не характерно наличие мистической составляющей. Все элементы игрового нарратива, связанные с якобы сверхъестественными явлениями, объясняются воздействием технологий сверхразвитой цивилизации. Таким образом, в рамках вселенной Assassin's Creed Chronicles: Russia речь идет скорее об имитации магии. Помимо того вовлеченными в исторический процесс тайными обществами движут рациональные мотивы, не связанные с воплощением в жизнь каких-либо морально-ценностных ориентиров.

Наиболее ярким примером в данном случае выступает отсутствие у факта убийства царской семьи эмоциональной мотивации и ритуального характера (со стороны организаторов).

Создатели игры игнорируют большинство символических элементов, связанных в историографии темы с указаниями на возможно ритуальный характер убийства царской семьи. Цитата из стихотворения Г. Гейне «Валтасар», цифровые записи или псевдокаббалические символы на стенах дома отсутствуют среди элементов интерьера. Сюжет игры не предполагает расчленения тел членов царской семьи (включая отсечение голов), ритуального обривания им голов перед убийством или смешения тел жертв с трупами собак, а также иных образов, присутствующих в работах авторов, отстаивающих ритуальный характер убийства.

Большевики, в рамках исторической мифологии игры, руководствуются политическими мотивами, рассматривая императорскую семью как фактор развития боевых действий на Восточном фронте. Точнее, заинтересованность непосредственно в ликвидации членов царской семьи в рамках сюжета игры проявляет лишь Л. Д. Троцкий, поскольку для него они выступают в качестве живых символов, способных консолидировать и мобилизовать силы контрреволюции.

Представителей тайных организаций так же мало интересует судьба монаршей фамилии: их привлекают лишь артефакт Предтеч, скрытый в Ипатьевском доме, и свойства, обретенные от контакта с ним великой княжной Анастасией.

Оценка степени влияния историографии на мемориальный нарратив игры предполагает необходимость обращения к анализу не просто степени изученности темы, но интерпретации в ее рамках вопроса о возможности ритуального либо конспирологического характера преступления.

Конспирологическая версия убийства царской семьи начала формироваться еще на ранних этапах развития зарубежной (эмигрантской) историографии темы. В работах Р. А. Вильтона, М. К. Дитерихса, М. П. Скарятина (Энеля) и И. П. Якобия была изложена ритуальная версия преступления, в рамках которой в роли его заказчиков и исполнителей выступили этнические евреи [Дитерихс; Скарятин; Якобий; Wilton].

Данная концепция основывалась на синтезе двух антисемитских мифологем. Первая

из них носила «традиционный» для европейской культуры характер. Речь идет о ложно приписываемых иудаистам ритуалах, предполагающих человеческие жертвоприношения. Необходимо подчеркнуть, что, несмотря на средневековые корни, данный стереотип активно бытовал среди широких слоев населения даже в начале XX в. В качестве наглядного подтверждения данного тезиса можно привести широко известное «дело Бейлиса». Указанная мифологема была рассчитана преимущественно на разжигание вражды между иудаистами и христианами, поскольку выстраивалась на утверждении об обязательной конфессиональной идентичности жертв ритуала [Вортман, 239; Гессен, 25; Зайончковский, 68; Кисляков, 139; Миллер, 334; Сосновских, 205; Толстой, Гессен, 54–57].

Вторая мифологема описывала этнических евреев как основную движущую силу революционного движения, главных интересов свержения монархии и наиболее влиятельную фракцию внутри руководства большевиков. При этом предполагалось, что еврей-революционеры действовали в рамках негласного альянса с представителями банковского капитала США, принадлежавшими к той же этнической группе [Бирюкович, 12; Гильфердинг, 57; Гредескул, 48; Дякин, 137; Левин, 31; Платонов 2005, 104].

В дальнейшем версия ритуального убийства царской семьи при участии тайных организаций длительное время бытовала преимущественно на уровне публицистической традиции в Русской православной церкви за рубежом. Она в целом оставалась маргинальной, но ее сторонники находили поддержку среди отдельных церковных иерархов (среди них можно упомянуть архиепископа Шанхайского и Сан-Францисского Иоанна, архиепископа Сиракузского и Троицкого Аверкия, а также епископа Сиэтлского Нектария).

Однако на поздних этапах холодной войны версия ритуального убийства царской семьи по решению представителей тайного общества, контролировавшего партию большевиков, вновь начала активно продвигаться в антикоммунистическом ключе в эмигрантской историографии. В 1981 г. П. Пагануцци была опубликована монография «Правда об убийстве царской семьи», переизданная в РСФСР

в 1991 г. В данной работе историк, в частности, воспроизводит приведенную в брошюре Энеля «Жертва» интерпретацию символов, обнаруженных в доме Ипатьева на подоконнике в комнате, в которой происходило убийство императора и членов его семьи. («Здесь, по приказанию темных сил, царь был принесен в жертву для разрушения государства. О сем извещаются все народы») [Пагануцци].

Появление новых исследований в рамках концепции ритуального характера убийства царской семьи закономерно вызвало активизацию сторонников противоположной точки зрения. В 1990 г. в Иерусалиме в свет вышла монография М. Хейфеца «Цареубийство в 1918 году. Версия преступления и фальсифицированного следствия». Автор сумел доказать на основе архивных материалов, что этнические евреи играли второстепенную роль в организации и исполнении преступления.

В начале постсоветского периода ритуальный характер убийства и причастность к нему отрицались на научном и научно-популярном уровне. Так, в 1993 г. публицист Э. Радзинский вернулся к вопросу об участии этнических евреев в убийстве царской семьи. В рамках сделанных выводов он отметил, что действия евреев-революционеров не носили ритуального характера. Более того, они были выстроены в рамках мотивации светской и интернационалистической идеологии большевиков. В двухтомной научной монографии Д. А. Волкогонова «Ленин», опубликованной в 1994 г., также отстаивался тезис о том, что цареубийство было организовано руководством большевистской партии на основе политических мотивов. Ритуальный характер преступления и причастность к его организации неких тайных обществ автор рассматривал как исключительно маргинальные точки зрения [Волкогонов].

Следующим значимым этапом в развитии «конспирологической» и «ритуальной» версий убийства императорской семьи стало уголовное дело, возбужденное в первой половине 1990-х гг. В его рамках прокурором В. Н. Соловьевым было проведено отдельное источниковедческое исследование в отношении архивных материалов, имеющих отношение к убийству семьи Николая II и захоронению их останков. По результатам проведенных изысканий

эксперт пришел к выводу об отсутствии у преступления ритуальной составляющей.

Позднее Р. Г. Пихоя, выступая в качестве эксперта правительственной комиссии (известной также как комиссия Ярова — Немцова), выразил согласие с данной точкой зрения. Им был проведен анализ источников, содержащих упоминания о ритуальном характере преступления. В итоге исследователь пришел к выводу о наличии в их текстах множества грубых фактических ошибок, свидетельствующих о низкой степени осведомленности создателей источников и пропагандистском характере последних.

В общих выводах группы экспертов-историков, действовавшей при правительственной комиссии, также нашел отражение тезис о том, что экзекуция семьи последнего императора носила характер политического убийства. Наличие ритуальных элементов в преступлении отрицалось, равно как и наличие влияния каких-либо тайных организаций [Багдасарян, Реснянский, 39].

В 1990-х гг. данная точка зрения господствовала как в российской, так и в зарубежной историографии, а также на уровне фольклор-истории. В 1998 г. в Австралии вышло исследование потомка российских эмигрантов Л. Миллер «Царская Семья — жертва темной силы». Концепция исследователя выстроена в ключе сугубо негативного позиционирования большевиков, однако автор придерживается мнения, что убийство царской семьи не носило ритуального характера [Миллер 1998].

В опубликованной в 2005 г. монографии американских историков Г. Кинга и П. Вильсона «Романовы. Судьба царской династии» авторы не только отрицают ритуальный характер преступления, но и ставят под сомнение причастность к его организации руководства большевистской партии [Кинг, Вильсон].

Вплоть до 2017 г. версия ритуального убийства царской семьи оставалась маргинализированной в рамках научного дискурса. Рамки ее распространения ограничивались преимущественно работами церковных публицистов, пишущих на историческую тематику. В качестве примера произведений данного плана можно привести книги В. Корна, например, работу «По приказу тайных сил» [Корн 2009; Корн 2012]. Данные публикации нельзя охарактеризовать как научные или

научно-популярные, однако они активно распространяются на региональном или локальном уровне в зависимости от личной позиции местных церковных иерархов.

Однако затем стало известно, что этот вариант рассматривается следственными органами в качестве одной из рабочих версий. Эта информация была раскрыта в рамках работы проходившей 27 ноября 2017 г. конференции «Дело об убийстве царской семьи: новые экспертизы и архивные материалы».

В пользу наличия у ритуально-конспирологической концепции реальных оснований выступили не только Тихон Шевкунов (на тот момент — епископ Егорьевский), но и профессиональные историки — П. Мультатули, С. Фомин и О. Платонов [Мультатули 2006; Мультатули 2013; Мультатули 2016; Платонов 2015; Фомин].

Необходимо отметить, что в обновленной редакции представления о ритуальном и конспирологическом характере преступления претерпели существенные изменения.

Во-первых, заметно сократилась доля репрезентации антисемитских стереотипов (большинство авторов решительно опровергают причастность к произошедшему ортодоксальных иудаистов). Впрочем, некоторые публицисты все же пытаются возложить ответственность за произошедшее на хасидов [Мультатули 2016, 14; Платонов 2015, 72; Фомин, 17; Корн 2012, 45].

Во-вторых, появилось множество вариантов позиционирования организаторов убийства и их движущих мотивов. В этом качестве в ряде случаев обозначены представители глобальной финансовой и управленческой элиты, якобы рассматривавшие Россию как главное препятствие на пути изменения модели социокультурного и экономического развития человечества. Также среди возможных организаторов преступления упоминают спецслужбы Великобритании, Германии и Франции, якобы действовавшие в интересах закрытых клубов истэблишмента и тайных обществ, объединяющих глобальные элиты. Ряд авторов указывают в качестве заказчиков преступления американских банкиров из США, принадлежавших к числу этнических евреев (но отрицают религиозно-ритуальный характер убийства). В отдельных работах доказывается связь убийц

с «германскими иллюминатами». Создатели некоторых публикаций обозначают убийц как представителей неорелигиозных движений либо групп оккультистов. Ряд исследователей настаивают на том, что большевики фактически представляли собой неорелигиозное движение, что якобы проявлялось в их символической политике.

Отдельного внимания заслуживает версия «заговора инородцев»: организаторами и исполнителями преступления, по мнению ее сторонников, выступали представители различных национальных меньшинств. При этом, по не вполне понятным причинам, был сделан акцент на причастности к преступлению большого числа этнических венгров. В том числе участие в убийстве приписывали будущему премьер-министру Венгерской Народной Республики И. Надю [Багдасарян, Реснянский, 41].

В. Э. Багдасарян выработал классификацию «теории заговора против царской семьи» на основе выделения акторов, выделив в итоге восемь вариаций позиционирования организаторов убийства:

- «религиозный заговор»;
- «геополитический заговор»;
- «этнический заговор»;
- «финансовый заговор»;
- «заговор социальных маргиналов и аутсайдеров»;
- «заговор бюрократических и клановых структур»;
- «психобиологический заговор»;
- «масонский заговор» (при этом данная форма соотносится со всеми упомянутыми выше) [Там же, 43].

Заключение. Таким образом, создатели игры позаимствовали из историографии темы элементы, касающиеся возможной причастности к убийству царской семьи тайных обществ глобального уровня, стремящихся определить модель социально-экономического и культурного развития человечества.

Однако по сюжету игры конечная цель данных структур не была напрямую связана с ликвидацией Российской империи и убийством ее последнего монарха. Преступление было необходимо лишь в контексте задачи овладения артефактами, принадлежавшими семье Романовых.

Равным образом в историческом нарративе игры отсутствуют отсылки к ритуальному характеру убийства членов императорской фамилии или принадлежности преступников к религиозным либо этническим группам.

Отказ от подобного позиционирования вероятнее всего обусловлен соображениями маркетинга. Игра как коммерческий продукт была рассчитана в первую очередь на продвижение в рамках рынков Северной Америки, Европы и Восточной Азии. И ее создатели были

вынуждены учитывать присущие их жителям представления об историческом процессе и о модели ценностей. Одновременно геймдизайнерам было необходимо избежать обвинений в разжигании антисемитизма.

Соответственно историография темы убийства царской семьи оказала ощутимое влияние на игровой контент, однако в него вошли лишь отдельные ее элементы, способствующие решению чисто коммерческих задач.

Список источников

- Анохина Е. В. К вопросу об исполнителях убийства царской семьи // Наука через призму времени. 2019. № 4 (25). С. 20–22.
- Багдасарян В. Э., Реснянский С. И. Версия о «ритуальном убийстве» царской семьи в исторической литературе и общественном дискурсе // Вопр. истории. 2018. № 3. С. 35–48.
- Бирюкович В. В. Политическое и экономическое положение евреев в России // Русское богатство. 1883. № 12. С. 655–690.
- Борисенок Ю. Как не убивали Романовых // Родина. 2020. № 1. С. 112–115.
- Боханов А. Н. Последний царь. М. : Вече, 2006. 506 с.
- Будницкий О. В. «Кровь по совести»: терроризм в России. Вторая половина XIX — начало XX в. // Отечественная история. 1994. № 6. С. 203–209.
- Булдаков В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М. : РОССПЭН, 1997. 373 с.
- Варфоломеев Ю. В. «Русский способ»: Феномен революционного терроризма в России начала XX в. // Рос. ист. журн. 2008. № 2. С. 3–51.
- Волкогонов Д. Ленин. Политический портрет : в 2 кн. Кн. 1. М. : Новости, 1994.
- Вортман Р. «Официальная народность» и национальный миф российской монархии XIX века // РОССИЯ / RUSSIA. Вып. 3 (11) : Культурные практики в идеологической перспективе. М. : ОГИ, 1999. С. 233–244.
- Гессен Ю. И. Евреи в России. Очерки общественной, правовой и экономической жизни русских евреев. СПб., 1906. 471 с.
- Гильфердинг А. Ф. Россия и ее инородческие окраины на западе // Россия и славянство. М. : Ин-т рус. цивилизации, 2009. С. 278–295.
- Гредескул Н. А. Террор и охранка. СПб. : тип. т-ва «Обществ. польза», 1912. 35 с.
- Дитерихс М. К. Убийство царской семьи и членов дома Романовых на Урале. Владивосток : Военная академия, 1922.
- Дякин В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX в.) // Вопр. истории. 1995. № 9. С. 130–142.
- Жук Ю. А. Вопросительные знаки в «царском деле». М. : Директ медиа, 2014. 639 с.
- Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. М. : Мысль, 1970. 442 с.
- Зыгмонт А. И. О феномене «царебожия» в современной религиозной культуре России // Вестн. Рос. гос. гуманит. ун-та. 2012. № 11. С. 138–145.
- Иоффе Г. З. Великий Октябрь и эпилог царизма. М. : Наука, 1987. 373 с.
- Касвинов М. К. Двадцать три ступени вниз. М. : Мысль, 1990. 459 с.
- Кинг Г., Вильсон П. Романовы. Судьба царской династии. М. : Эксмо, 2005. 909 с.
- Кисляков А. С. Формирование национальных партий на западных окраинах Российской империи, конец XIX — начало XX в. // Вопр. истории. 2011. № 11. С. 135–143.
- Корн В. И. Магические числа и таинственные знаки: ритуальное убийство царской семьи // Православие на Урале: веки истории : материалы Межрегион. науч.-практ. конф. 2012. С. 88–96.
- Корн В. И. По приказу тайных сил. Что скрывали надписи в Ипатьевском доме. Екатеринбург : Зд. монастыря во имя Святых Царственных Страстотерпцев, 2009. 167 с.
- Кураев А. В. Испытание, которое приходит «справа». М. : Изд. Совет Русской Православной Церкви, 2005. 93 с.
- Латышев А. Ленин в расстреле не участвовал // Родина. 1993. № 3. С. 68–73.
- Левин В. И. Октябрьская революция и евреи России // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Т. 9, № 6–2. С. 29–32.
- Миллер Л. П. Царская семья — жертва темной силы. Сергиев Посад, 1998. 629 с.
- Мультиатули П. В. Крестный путь Царской Семьи. Екатеринбургская голгофа. М. : Вече, 2013. 445 с.
- Мультиатули П. В. Свидетельствуя о Христе до смерти... Екатеринбургское злодеяние 1918 года: новое расследование. М. : Форум, 2006. 799 с.

Мультатули П. В. «Убийство Царской Семьи. Следствие не окончено... (Соколов против Юровского)». М. : Вече, 2016. 256 с.

Пагануцци П. Правда об убийстве Царской Семьи. М. : Товарищество рус. художников, 1992. 222 с.

Платонов О. А. Еврейский вопрос в России. М. : Яуза, 2005. 286 с.

Платонов О. А. Убийство царской семьи. М. : Сов. Россия, 1991. 191 с.

Платонов О. А. Цареубийцы. М. : Родная страна, 2015. 422 с.

Скарятин М. В. (Энель) Жертва. Нови Сад, 1925. 20 л.

Соколов Н. А. Убийство царской семьи. Берлин : Слово, 1925. 297 с.

Сосновских А. В. Национальная политика к началу XX века и ее влияние на развитие кризисной ситуации в Российской империи // Балт. гуманит. журн. 2016. Т. 5, № 1 (14). С. 205–207.

Толстой И. И., Гессен Ю. И. Факты и мысли: Еврейский вопрос в России. СПб. : Типография товарищества «Общественная польза», 1907. 220 с.

Фомин С. В. Екатеринбургское ритуальное убийство // Россия перед вторым пришествием: Материалы к очерку Русской эсхатологии / сост. С. В. и Т. И. Фомины. Т. 2. СПб. : О-во святителя Василия Велик., 1998. 559 с.

Якобий И. П. Император Николай II и революция. Париж, 1938. 380 с.

Wilton R. The last Days of the Romanovs. Thornton Butterworth. London: Thornton Butterworth, 1920. 320 p.

References

Anokhina, E. V. (2019). K voprosu ob ispolnitelyakh ubiystva tsarskoi sem'i [On the question of the perpetrators of the murder of the royal family]. *Nauka cherez prizmu vremeni*, 4 (25), 20–22.

Bagdasaryan, V. E., Resnyanskii, S. I. (2018). Versiya o «ritual'nom ubiystve» tsarskoi sem'i v istoricheskoi literature i obshchestvennom diskurse [Version of the “ritual murder” of the royal family in historical literature and public discourse]. *Voprosy istorii*, 3, 35–48.

Biryukovich, V. V. (1883). Politicheskoe i ekonomicheskoe polozhenie evreev v Rossii [The political and economic situation of Jews in Russia]. *Russkoe bogatstvo*, 12, 655–690.

Bokhanov, A. N. (2006). *Poslednii tsar'* [The Last Tsar]. M.: Veche. 506 s.

Borisenok, Yu. (2020). Kak ne ubivali Romanovykh [How not to kill the Romanovs]. *Rodina*, 1, 112–115.

Budnitskii, O. V. (1994). “Krov' posovesti”: terrorizm v Rossii. Vtorayapolovina XIX — nachalo XX vv. [“Blood for Conscience”: Terrorism in Russia. Second half of the 19th — early 20th centuries]. *Otechestvennaya istoriya*, 6, 203–209.

Buldaikov, V. P. (1997). *Krasnayasmuta. Priroda i posledstviya revolyutsionnogo nasiliya* [Red confusion. The nature and consequences of revolutionary violence]. M.: ROSSPEN. 373 s.

Varfolomeev, Yu. V. (2008). “Russkii sposob”: Fenomen revolyutsionnogo terrorizma v Rossii nachala KhKh v. [“Russian Way”: The Phenomenon of Revolutionary Terrorism in Russia at the Beginning of the 20th Century]. *Rossiiskii istoricheskii zhurnal*, 2, 3–51.

Volkogonov, D. (1994). *Lenin. Politicheskii portret: v 2-kh knigakh* [Lenin. Political portrait: in 2 books]. Kn. 1. M.: Novosti.

Vortman, R. (1999). «Ofitsial'naya narodnost'» i natsional'nyi mif rossiiskoi monarkhii XIX veka [Political and economic situation of Jews in Russia]. *ROSSIYA / RUSSIA*, 3(11): Kul'turnye praktiki v ideologicheskoi perspektive. M.: OGI, 233–244.

Gil'ferding, A. F. (2009). Rossiya i ee inorodcheskie okrainy na zapade [Russia and its foreign suburbs in the west]. *Rossiia i slavyanstvo*. M.: Institut russkoi tsivilizatsii, 278–295.

Gessen, Yu. I. (1906). *Evrei v Rossii. Ocherki obshchestvennoi, pravovoi i ekonomicheskoi zhizni russkikh evreev* [Jews in Russia. Essays on the social, legal and economic life of Russian Jews]. SPb. 471 p.

Gredeskul, N. A. (1912). *Terror i okhranka* [Terror and secret police]. SPb.: tip. t-va “Obshchestv. pol'za”. 35 s.

Diterikhs, M. K. (1922). *Ubiystvo tsarskoi sem'i i chlenov doma Romanovykh na Urale* [The murder of the royal family and members of the Romanov dynasty in the Urals]. Vladivostok: Voennaya akademiya.

Dyakin, V. S. (1995). Natsional'nyi vopros vo vnutrennei politike tsarizma (XIX v.) [The national question in the internal politics of tsarism (XIX century)]. *Voprosy istorii*, 9, 130–142.

Zhuk, Yu. A. (2014). *Voprositel'nye znaki v «tsarskom dele»* [Question marks in the “royal case”]. M.: Direkt media. 639 s.

Zaionchkovskii, P. A. (1970). *Rossiiskoe samoderzhavie v kontse XIX stoletiya* [Russian autocracy at the end of the 19th century]. M.: Mysl'. 442 s.

Zygmunt, A. I. (2012). O fenomene “tsarebozhiya” v sovremennoi religioznoi kul'ture Rossii [On the Phenomenon of “Tsar's God” in the Modern Religious Culture of Russia]. *Vestnik Rossiiskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*, 11, 138–145.

Ioffe, G. Z. (1987). *Velikii Oktyabr' i epilog tsarizma* [Great October and the epilogue of tsarism]. M.: Nauka. 373 s.

Kasvinov, M. K. (1990). *Dvadsat' tri stupeni vniz* [Twenty-three steps down]. M.: Mysl'. 459 s.

King, G., Vil'son, P. (2005). *Romanovy. Sud'ba tsarskoi dinastii* [Romanovs. The fate of the royal dynasty]. M.: Eksmo. 909 s.

Kislyakov, A. S. (2011). Formirovanie natsional'nykh partii na zapadnykh okrainakh Rossiiskoi imperii. Konets XIX — nachalo XX v. [Formation of national parties in the western outskirts of the Russian Empire. Late 19th — early 20th century]. *Voprosy istorii*, 11, 135–143.

Korn, V. I. (2012). Magicheskie chisla i tainstvennye znaki: ritual'noe ubiystvo tsarskoi sem'i [Magic Numbers and Mysterious Signs: The Ritual Murder of the Royal Family]. *Pravoslavie na Urale: vekhi istorii. Materialy Mezhhregional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, 88–96.

Korn, V. I. (2009). *Po prikazu tainnykh sil. Chto skryvali nadpisi v Ipat'evskom dome* [By order of the secret forces. What the inscriptions in the Ipatiev House concealed]. Ekaterinburg: Zd. monastyr'ya vo imya Svyatykh Tsarstvennykh Strastoterpsev. 167 s.

- Kuraev, A. V. (2005). *Iskushenie, kotoroe prikhodit "sprava"* [The temptation that comes "from the right"]. M.: Izd. Sovet Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi. 93 s.
- Latyshev, A. (1993). Lenin v rasstrele ne uchastvoval [Lenin did not participate in the execution]. *Rodina*, 3, 68–73.
- Levin, V. I. (2017). Oktyabr'skaya revolyutsiya i evrei Rossii [The October Revolution and the Jews of Russia]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*, 9, 6–2, 29–32.
- Miller, L. P. (1998). *Tsarskaya sem'ya – zhertva temnoi sily* [The royal family is a victim of dark power]. Sergiev Posad. 629 s.
- Mutatuli, P. V. (2013). *Krestnyi put' Tsarskoi Sem'i. Ekaterinburgskaya golgofa* [Way of the Cross of the Royal Family. Yekaterinburg Calvary]. M.: Veche. 445 s.
- Mul'tatuli, P. V. (2006). *Svidetel'stvuya o Khriste do smerti... Ekaterinburgskoe zlodeyanie 1918 goda: novoe rassledovanie* [Witnessing Christ to Death... Yekaterinburg Atrocity of 1918: New Investigation]. M.: Forum. 799 s.
- Mul'tatuli, P. V. (2016). "Ubiistvo Tsarskoi Sem'i. Sledstvie ne okoncheno... (Sokolov protiv Yurovskogo)" ["Murder of the Royal Family. The investigation is not over... (Sokolov vs. Yurovsky)"]. M.: Veche. 256 s.
- Paganutstsi, P. (1992). *Pravda ob ubiistve Tsarskoi Sem'i* [The truth about the murder of the Royal Family]. M.: Tovarishestvo rus. khudozhnikov. 222 s.
- Platonov, O. A. (2005). *Evreiskii vopros v Rossii* [The Jewish Question in Russia]. M.: Yauza, 2005. 286 s.
- Platonov, O. A. (1991). *Ubiistvo tsarskoi sem'i* [The murder of the royal family]. M.: Sov. Rossiya. 191 s.
- Platonov, O. A. (2015). *Tsareubitsy* [Kingslayers]. M.: Rodnaya strana. 422 s.
- Skaryatin, M. V. (1925). *(Enel') Zhertva* [(Enel) Sacrifice]. Novi Sad. 20 l.
- Sokolov, N. A. (1925). *Ubiistvo tsarskoi sem'i* [The murder of the royal family]. Berlin: Slovo, 1925. 297 s.
- Sosnovskikh, A. V. (2016). Natsional'naya politika k nachalu XX veka i ee vliyanie na razvitie krizisnoi situatsii v Rossiiskoi imperii [National policy by the beginning of the 20th century and its impact on the development of the crisis in the Russian Empire]. *Baltiiskii humanitarnyi zhurnal*, 1(14), 205–207.
- Tolstoi, I. I., Gessen, Yu. I. (1907). *Fakty i mysli. Evreiskii vopros v Rossii* [Facts and thoughts. Jewish Question in Russia]. SPb.: Tipografiya tovarishchestva "Obshchestvennaya pol'za". 220 s.
- Fomin, S. V. (1998). *Ekaterinburgskoe ritual'noe ubiistvo. Rossiya pered Vtorym prishestviem* [Yekaterinburg ritual murder]. *Materialy k ocherku Russkoi eskhatologii* / sost. S. V. i T. I. Fominy. T. II. SPb.: O-vo svyatitelya Vasiliya Velik. 559 s.
- Yakobii, I. P. (1938). *Imperator Nikolai II i revolyutsiya* [Emperor Nicholas II and the revolution]. Parizh. 380 s.
- Wilton, R. (1920). *The last Days of the Romanovs*. Thornton Butterworth. London: Thornton Butterworth. 320 p.

Сведения об авторе

Белов Сергей Игоревич, доктор политических наук, кандидат исторических наук, доцент кафедры российской политики факультета политологии Московского государственного университета, Москва, Россия

Information about the author

Sergey I. Belov, Doct. Sci. (Political Science), Cand. Sci. (Historical Science), sssociate Professor of Russian Politics Program Political Science Department Lomonosov Moscow State University, Russia

Статья поступила в редакцию 15.08.2022;
одобрена после рецензирования 01.09.2022;
принята к публикации 10.09.2022

The article was submitted 15.08.2022;
approved after reviewing 01.09.2022;
accepted for publication 10.09.2022